

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/47/11

В.А. Суханов, А.И. Щербинин

**ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ «СИБИРСКИХ АФИН»:
ПРОБЛЕМА ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА МЕТАФОРИЧЕСКОГО
ТОПОНИМА В РАЗЛИЧНЫХ ДИСКУРСАХ XX – НАЧАЛА XXI в.**

В статье рассматривается историческое функционирование регионального метафорического топонима «Томск – Сибирские Афины» в прозаическом, поэтическом, публицистическом, официально-деловом и эпистолярном дискурсах XX – начала XXI вв. Выявляется генезис метафорического топонима, формирование символического ядра концепта, устанавливается зависимость ее жизненного цикла от типа дискурса, в котором она функционирует, исследуются социально-исторические причины утраты символического содержания и превращения в клише и штамп.

Ключевые слова: Томск, Сибирские Афины, метафорический топоним, жизненный цикл метафоры, концепт, дискурс, историческое функционирование.

К истории одного заблуждения

Как известно, первое именование Томска «Сибирскими Афинами» приписывают путешественнику князю К.А. Вяземскому, который прибыл в Томск 19 июля 1891 г. и провел в городе несколько дней. Многочисленные открытые интернет-источники отсылают к публикациям в неких московских географических журналах и даже приводят цитаты из этих публикаций князя как подтверждение достоверности: «Томск, один из самых больших городов Сибири, расположен на берегу реки Томи, на возвышенности. Посреди города – небольшой холм, с него виден весь город. Это всё очень напоминает Акрополь Афинский; тот тоже возвышается посреди города» [1, 2].

Неточность и приблизительность подобного цитирования опровергает небольшая статья историка, краеведа А. Хахалкина «Томск в 1891 году. По путевым запискам князя К.А. Вяземского», опубликованная во втором номере краеведческого альманаха «Сибирская старина» за 1993 г. [3]. А. Хахалкин приводит текст записок «Путешествие по Азии верхом» по журналу «Русское обозрение» за 1894 г., где в номерах 9 и 10 они были опубликованы, замечая, что «публикацию своих путевых заметок автору закончить не удалось, около 40 тетрадей объемом в 2448 страниц хранятся в отделе рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина» [3. С. 13]¹.

Полностью приведенный краеведом фрагмент подлинника выглядит так: «Томск, один из самых больших городов Сибири, расположен на берегу реки Томи, на возвышенности, но окружен еще большими возвышенностями, так, что издали на него вида ниоткуда нет. Посреди города – небольшой холм (к несчастью, весь застроен); с него виден весь город. Это напоминает немного (конечно, в банальном виде) Акрополь Афинский; тот тоже возвышается по-

¹ Ныне Российская государственная библиотека.

среди города. Но греки, ценители красоты, ничем его не застроили, и вид отсюда чудесный. Чего бы не сделали с этой горой французы или немцы, если бы Томск им принадлежал! Тут раскинулись бы и сады, построились бы беседки, разные биргалле... У сибиряков же тут сараи, лачуги да помойная яма. К удивлению местных жителей, я простоял около четверти часа близ этой помойной ямы, любуясь красивой панорамой. Они никак не могли понять, что я там смотрю, и некоторые заподозрили, не хочу ли я что-нибудь стащить» [3. С. 13]. Далее князь К.А. Вяземский упоминает влюбленность обывателей в свой город, описывает, какую еду они употребляют в пищу, качество рыбы и рыбалку с детальным указанием количества выпитого, отмечая при этом и качество водки, и культуру питания. При этом, как замечает А. Халкин, «во время пребывания автор ни разу не поинтересовался ни об университете, ни о строящемся соборе», замечая, что «и такие воспоминания представляют для нас значительную ценность» [3. С. 13].

Таким образом, статус утверждения, что именно князь К.А. Вяземский назвал Томск «Сибирскими Афинами», не подтвержден документально и относится, скорее, к области локальной мифологии. Возможно, это именование где-то и находится в неопубликованных записях князя К.А. Вяземского, но это уже другая история¹.

Отсутствие документальных источников делает непроясненным контекст, в котором было рождено именование и сопоставление, а, соответственно, и стоящий за ним образ изначально был многозначен в силу этой неопределенности, а смысл его «затемнен» или, скорее, пуст (не ясно, Афины какого периода имел в виду князь – греческого или римского, расцвета или упадка, по какому основанию он строил аналогию и т.д.). В процессе исторического функционирования все это породило массу интерпретаций, стремившихся заполнить образ, выступивший в ситуации смысловой неопределенности в роли мифологического концепта, который, как известно, подобен двуликому Янусу: он и смысл, и форма, заполнен и пуст одновременно [5. С. 242].

Классический период

Исторически выкристаллизовались и «отстоялись» две версии. В первой, которую условно можно назвать «акропольской», именование «Сибирские Афины» непосредственно не связано с императорским университетом, а возникло под впечатлением от томского «акрополя» – холма, на котором сегодня находится реставрированный деревянный «кремль» и который немного напоминал К.А. Вяземскому «в банальном виде» Акрополь Афинский. Упоминание о «банальном виде» предполагает намеренно сниженный вариант отда-

¹ Именно это обстоятельство позволяет алтайским краеведам с опорой на опубликованные «Воспоминания П.П. Семенова-Тян-Шанского» вступить в соперничество с Томском за статус «Сибирских Афин». Во-первых, воспоминания написаны в 1856–1857 гг., т.е. раньше, а во-вторых, в них есть прямое указание на Барнаул как сибирские Афины. Вот что писал географ и путешественник П.П. Семенов-Тян-Шанский: «Одним словом, Барнаул был в то время, бесспорно, самым культурным уголком Сибири, и я прозвал его сибирскими Афинами, оставляя прозвание Спарты за Омском... Но, конечно, между этими городами и древними городами Греции было различие, пропорциональное различию культуры Сибири в половине XIX века от культуры древней Греции. Да и сибирская Спарта, при грубости ее воинственных нравов, не имела спартанской чистоты и безупречности, а в сибирских Афинах были свои темные стороны» [4].

ленного сходства между Афинами и Томском на том только основании, что и там и там посередине города находится холм, поскольку по другим основаниям Томск с Афинами не сравнивается. При этом холм в Афинах не застроен, оставлен для созерцания окружающей красоты, а в Томске «тут сараи, лачуги да помойная яма». Если сопоставить высказывания князя К.А. Вяземского о Томске с высказыванием П.П. Семенова-Тян-Шанского о Барнауле, то инвариантом обоих выступит эстетический принцип красоты: созерцания онтологической красоты у К.А. Вяземского и бытовой эстетики у П.П. Семенова-Тян-Шанского. Очевидно, что ни то, ни другое не имеет отношения к университетской образованности, а особенность приписываемой князю К.А. Вяземскому номинации заключаются в том, что «афинность» Томска – пространственный образ, не предполагающий какой-либо символики.

Следы этой же «акропольской» версии можно обнаружить и у американского журналиста Дж. Кеннана, который отметил, что центр Томской губернии того времени отличался от соседних городов и производил на путешественников впечатление вполне культурного города. Дж. Кеннан, позиционировавший Сибирь исключительно как место ссылки, писал: «Томск – город в 31 000 жителей, и по величине, и по значению считается вторым в Сибири, но по предприимчивости, интеллектуальному развитию, благосостоянию населения он мне кажется первым» [6. С. 44].

При этом Дж. Кеннан особенно подчеркивал привнесенный характер культуры и роль административно-ссылных революционеров в облике Томска. По его мнению, при разумном управлении и при минимуме запретов Томская губерния вполне могла бы соперничать с любым северо-западным американским штатом [6. С. 45], если бы не парадоксы сибирского быта: на одну деревню приходилось три питейных заведения и в то же время одна школа на тридцать деревень в Западной Сибири! Остается только догадываться, каким контекстом обусловлено скептическое отношение Дж. Кеннана к сообщению даже не о скором открытии Томского университета, а к нему самому, поскольку без комментариев он назвал его «пресловутым».

Другая версия связывает первичное метафорическое именование Томска с открытием первого сибирского университета. Именно этот смысл «вкладывался» в образ «Сибирских Афин» промышленным и культурным сообществом не только в Томске, но и за Уралом: сибирские промышленники, купечество и горожане охотно инвестировали средства в знание и новую культуру. Университет как учебное заведение, явление редкое для России того времени, оказался важен как основа объединения, но более значимым становится университет как символ *другого образа жизни, другого будущего*, консолидировавший сибиряков на почве новой культурно-образовательной идентичности, возможности организации иной, цивилизованной жизни в Сибири. Открытие университета выступило катализатором деятельности самой образованной части тогдашнего общества, а Афины и Томск «породнились» в сознании сибиряков именно на «умной», университетской почве.

Университет становится и *знаком*, знаменем просвещения, и *реальной материальной и культурной средой*, в которой составляющие ее жители Томска стремились не просто превзойти проекты и социальные практики,

бытовавшие в то время в Сибири, но и в России. Сюда можно отнести и первое в России здание, специально построенное для проживания студентов, – Дом студента, Ботанический сад, заложенный П. Крыловым с самым высоким в стране куполом оранжереи (превзойденным только во второй половине XX в.), планировку университетской рощи – фактически воспроизводившую в модели природу севера и юга Сибири. Именно университет стал площадкой для настоящих инноваций, наглядно презентовавшихся горожанам и гостям. Это и первые газовые фонари, и первый в Сибири железобетонный мост через речку, протекавшую по Университетской роще (сохранился до сих пор), и даже гидроэлектростанция на этой речке.

К началу XX в. именно семантика этой новой идентичности «перекодирует» первоначально конкретный пространственный («акропольский») образ Томска как Сибирских Афин, наполняет его символическим содержанием, становясь ядром мифологического концепта (мифологемы, мифоконцепта) «Томск – Сибирские Афины» и вытесняя на периферию смыслового целого и социальной коммуникации «акропольский» пространственный план образа в силу отсутствия в нем символического потенциала. Пожалуй, с этого момента именование Томска «Сибирскими Афинами» становится символом образованности и просвещения, наступления новой эры в развитии Сибири. Как известно, у каждой метафоры свой жизненный цикл [7], поэтому ограниченность символического потенциала, изначально заложенная в топоним сугубо «афинскими» коннотациями, лишившими его многомерности подлинно символического образа, проявилась в дальнейшем существовании региональной мифологемы.

Годы революции и Гражданской войны не внесли ничего нового в этот образ, но актуальное содержание социальных событий оттеснило на социальную периферию идею университета, а с нею и проблему «афинности» Томска. Она вновь актуализируется почти сразу после окончания Гражданской войны, и обращающиеся к ней авторы свидетельствуют о достаточно широком распространении и укорененности в сознании образованной части России символично-поэтического уровня этого метафорического топонима.

Советский период: новые аспекты семантики

В 1925 г. в Томск приезжает поэт Леонид Мартынов, для которого образ Томска как Сибирских Афин был связан не с университетом, а с технологическим институтом (ныне Национальный исследовательский политехнический университет). Л. Мартынов так объясняет мотивы, толкнувшие его к посещению Томска: «Зачем я поехал в Томск? О, конечно, не за тем, чтобы поступать в технологический институт, из-за которого хмурый тихий Томск и получил свое прозвище: Сибирские Афины. И вовсе не для того, чтобы собрать какие-либо данные о Потанине, который умер там пять лет назад в 1920-м году, и не для того приехал я в Томск, чтобы побеседовать со старым сибирским просветителем книгоиздателем Макушиным, стоящим уже на пороге могилы. Не занимало меня даже и то, что из томского лагеря военнопленных вышел в 17-м году на свободу для последующей революционной

деятельности будущий вождь венгерской революции Бела Кун. Я был далек и от желания узнать что-либо новое о декабристах и о таинственном легендарном старце Федоре Кузьмиче. И хоть в моем командировочном удостоверении значилось, что я еду в Томск для получения новых данных о старых попытках сооружения Обь-Енисейского канала, интересовал меня даже и не этот канал. И если сказать по правде, чего я не сделал в редакции, прося командировку в Томск, то посещение Сибирских Афин, как это ни странно, было больше всего связано именно с одним из произведений Велимира Хлебникова» [8].

Таким образом, Л. Мартынова не занимает ни образовательный аспект (технологический институт), ни историко-биографический (данные о Потанине), ни интернациональный (Бела Кун), ни мистический (Федор Кузьмич), ни индустриальный (канал). Томск как сибирский город интересовал Л. Мартынова-поэта символическими образами, созданными в поэме Хлебникова «Шаман и Венера» (1912). С одной стороны, Томск становится для Л. Мартынова знаком, замещающим всю Сибирь (в поэме В. Хлебникова нет упоминаний о Томске), а с другой стороны, именно знаковость, «афинность» Томска оказывается главным, собственно поэтическим, мотивом приезда. Именно символический потенциал поэмы, «прочитанный» Л. Мартыновым, определил его интерес к Томску.

Основа стихотворного сюжета в поэме В. Хлебникова – ситуация искушения языческого Шамана богиней Венерой [9]. Образы персонажей – знаки, за которыми символически стоят два мира: восточный и европейский, дикий и культурный, две ментальности: созерцательная (шаман) и гедонистическая (Венера), суровая реальность и идеализированный текст, природа и цивилизация. Можно предположить, что Мартынов интерпретировал поэму серьезно, в то время как многие исследователи говорят о ее пародийном содержании [10].

В оценке повествователя Венера – «дева страсти», изнеженная красавица, «роскошная река», изгнанная из цивилизованного мира и противопоставляющая себя старому шаману. Для Венеры Сибирь – чуждое пространство, атрибуты которой «дикая пещера», шаман-монгол, «сибирские дикари». Для повествователя – это «глухой лес», в котором живет шаман. Для Шамана Сибирь – пространство естественной жизни, где добывают пищу в согласии с архаическими языческими духами природы.

В сюжетной ситуации поэмы Венера переживает свое изгнание апокалиптически как крушение мира: «Народ безумец, народ безбожник, / Куда идете? Оглянитесь!». Шаман, напротив, по-буддийски «неразговорчив и сердит», «угрюм, задумчив, важен», он молчит, курит трубку, «смотря в вечернее пространство». Ему нет дела до страданий изгнанной и забытой красавицы.

Но Венера соблазняет шамана готовностью остаться в Сибири для естественной жизни: «Я буду здесь бродить одна / (Ты знаешь, я ведь одинока), / Срывать цветы в густом лесу, / Вплетать цветы в свою косу. / Вдали от шума и борьбы, / Внутри густой красивой рощи / Я буду петь, собирать грибы, / Искать в лесу святого мощи, / Что может этой жизни проще?»

Доверчивый Шаман верит в искренность Венеры и откликается на это обещание «сияющей улыбкой», «глазами удовлетворенья», ритуальным тан-

цем и охотой. Удачная охота символически завершается совместной трапезой, еду для которой готовит Венера. Но поедание тотемного животного (оленья), приобщение к языческим духам и плоти Сибири не может обеспечить у В. Хлебникова прочный союз двух ментальностей, двух стихий: мольбы умирающего лебедя о возвращении в цивилизацию заставляют Венеру покинуть Шамана, но она, обещая прославить его мудрость в песнях, «исчезает ласковой ошибкой».

Финал поэмы воплощает авторскую идею о невозможности союза между изнеженной гедонистической западной цивилизацией (Венера) и языческим востоком (Шаман), эгоистическим индивидуалистским (Венера) и естественным, коллективистским (Шаман). Можно предположить, что Л. Мартынова в Томске интересовала именно эта коллизия: возможность совместить европейское, культурное (Афины) и природное, аборигенное (сибирские).

Реальный Томск середины 1920-х гг. не совпал с поэтическим образом. Л. Мартынов писал: «То, что я увидел, шагая с вокзала в город, ничуть не соответствовало моим представлениям ни об Афинах, ни об хлебниковской Сибири. Над старыми добротными деревянными домами клубились печные дымы. Но вот, наконец, я достиг и царства кирпича и камня, очутившись перед строениями Университета. — Уж если приехал, то надо действовать! — сказал я себе и, стряхнув незримый груз грез и ассоциаций, вошел в Храм Науки» [8]. После разрушения поэтических иллюзий, рожденных поэмой Хлебникова, — знакомство с университетом, который еще воспринимается в духе конца XIX в. как «Храм Науки», остается для Л. Мартынова единственным утешением, но в его сознании университет как храм существует отдельно от города, сам по себе, что свидетельствует о расслоении смысла топонима на две составляющие: Томск и университет.

Начало 1930-х гг.: кузница кадров

В тридцатые годы XX в. не у дел остались промышленники и купечество, мало кого интересовали легенды о старце Федоре или Потанине, а успешный укорениться в Томске университет стал, как сегодня говорят, «конкурентным преимуществом» города, поскольку остальных преимуществ у него на тот момент не было. Роман И. Эренбурга «День второй» (1933) начинается с эпической картины строительства металлургического комбината и сопоставления истории и современности трех сибирских городов: Новокузнецка, Новосибирска и Томска. Пророчествуя светлое будущее новым сибирским городам — Новосибирску и Кузнецку, повествователь отказывал в нем городу, у которого «все в прошлом», — Томску, который, несмотря на богатейшую свою историю, не вписался в цивилизационный сдвиг, происходивший в новой советской России: «Потом началась революция. Вырос Новосибирск. Покряхтев, Томск сдался. <...> Люди понаходчивей и пободрей уехали из Томска в Новосибирск, в Кузнецк или в Москву. Остались растяпы, чудаки и лишенцы» [11. С. 101].

Современная жизнь Томска изображается апокалиптически: «В голодные и холодные годы люди разбирали заборы и дома на топливо. Новых домов не построили. Построили только новый цирк. Дома гнили и падали, старые кондовые дома с резными воротами и затейливыми ставнями. Вместо тротуаров

были деревянные настилки. Они истлели. <...> На кладбище, где были похоронены Потанин и другие сибирские мечтатели, года два сряду резвились беспризорники. Они посбивали все памятники. Лошади лихачей, отошав без овса, стали походить на допотопных чудовищ.<...> Судьбу различных городов легко было распознать на вокзале: достаточно было поглядеть, какой хлеб едят местные жители. Там, где люди строили гиганты, хлеб был светло-серый и нежный. В Томске хлеб был черный, мокрый и тяжелый: пятилетка обошла Томск, и Томск умирал. <...> Профессора университета между лекциями становились в очередь возле распределителей: они ждали, когда привезут хлеб. На базаре мальчишки продавали грязный сахар по кускам, и старые бабки глядели на этот сахар глазами, полными умиления. Так жил город, который должен был умереть. Его не могли спасти ни шумная история, ни строгановская библиотека, ни рвение томичан, которые проектировали постройку завода дорожных машин. Томск был в стороне и от магистрали, и от жизни. Он был осужден» [11. С. 102].

В этом контексте метафорическое именование Томска «Сибирскими Афинами» встречается всего раз, повествователь дает его в сниженном виде как шутивную самохарактеристику горожан, относящуюся к исторически завершившейся классической эпохе: «В те времена, когда люди любили не Америку, но классический стиль и велеречие, они шутя называли Томск «сибирскими Афинами» [11. С. 179]. Это, по сути, означает утрату как символического, так и пространственного уровней образа и превращение его в симулякр, поскольку за ним не оказывается никакого реального содержания.

По мысли повествователя и автора, спасительным для Томска, города на обочине индустриальных преобразований, оказывается университет, студенчество, которые дают возможность городу пережить в этом качестве «второе дыхание», «вторую жизнь», второе рождение в эпохальной ситуации творения нового социалистического мира: «Томск мог умереть, но в Томске был университет. В Томск приехали десятки тысяч студентов. Они не знали истории города <...> Они приехали, чтобы изучать физику, химию или медицину <...> Их было сорок тысяч. Среди них были буряты, остяки, тунгусы и якуты. Они знали, что через несколько лет они будут управлять страной, лечить и обучать, строить заводы, налаживать совхозы, буравить горы, чертить планы мостов и, забираясь в самую глушь необъятной страны, весело тормозить сонных людей, как тормозит их яркий день, своими лучами взламывая ставни. Так зажил Томск второй жизнью» [11. С. 183–184]. Важно, что в контексте романа университет выступает заместителем всех высших учебных заведений Томска, именно поэтому другие вузы, существовавшие в городе в тот момент, в романе не фигурируют.

Но это уже не тот университет, который в конце XIX в. делал Томск сибирскими Афинами в символическом значении образа. Причина этого в том, что модернистская эпоха творения мира требовала других смыслов. И они нашлись. Томск у И. Эренбурга предстает как фабрика естественно-научного образования масс, что соответствовало изменившемуся месту образования в обществе: в отличие от элитарного образования рубежа XIX–XX вв., новый тип образования носит массовый прагматический характер, это образование, необходимое только в той мере, в какой оно будет

способствовать индустриальному переустройству СССР, образование в сфере «позитивных» наук – физика, химия, медицина. Утрата элитарного характера образования и уникального места университета в этой системе сопровождалась и открытием новых вузов в Сибири: 1932 – образование пединститута в Красноярске, 1935 – открыт новосибирский педагогический институт, 1939 – учительский институт в Новокузнецке (Сталинске).

В отличие от И. Эрнбурга, сосланный в Томск драматург Николай Эрдман в обозначении Томска еще обращается к семантике Афин. Практически в это же время, 14 декабря 1934 г., Эрдман пишет актрисе МХАТ СССР им. Горького Ангелине Степановой: «Я мало еще видел город, но кажется, это «очаровательный старик», который созвал к себе молодежь всей Сибири. Если в этом городе я буду получать Твои письма, то я заранее уверен, что даже сумею полюбить эти «Снежные Афины» [12. С. 569]. Ожидание встречи со «Снежными Афинами» для ссыльного Н. Эрдмана, исколесившего на санях Восточную Сибирь, если убрать поправку на чувства измученного человека, антропологически схожи с образным мышлением человека как такового. Н. Эрдман фиксирует в своем представлении о Томске несколько моментов: исторический возраст города («очаровательный старик»), современное его состояние («созвал к себе молодежь всей Сибири») и природное – время года («снежные Афины»). Но характер отношений с городом ставится в зависимость от отношений с А. Степановой: «Если я буду получать Твои письма...». Это условие является для Н. Эрдмана определяющим, а его отсутствие может означать совершенно иное отношение к Томску.

Образ Томска в переписке противоречив. С одной стороны, он домашнему близок: «...Томск мне нравится. Центральная улица похожа на школьный коридор во время большой перемены» [12. С. 570]. С другой стороны, Н. Эрдман пытается найти «Афины» в учреждениях культуры, но разочарованно пишет: «Помимо учебных заведений в городе есть цирк, кино и оперетта <...>. В здешних магазинах, кроме портретов вождей, ничем не торгуют. А томская библиотека похожа на томскую столовую – меню большое, а получить можно одни пельмени или Шолохова» [12. 572]. Провинциальная духовная нищета, где все, в том числе и культура, рассчитано не на образованную часть общества, а на массовый спрос (цирк, кино, оперетта, пельмени), становится частью Томска в сознании Н. Эрдмана.

Можно утверждать, что в тридцатые годы XX в. под воздействием конкретных социальных процессов необходимость в символическом «афинном» содержании исчезает, сам образ-символ выпадает из активного употребления, поскольку не соответствует новым реалиям жизни, превращаясь в симулякр, и перемещается на периферию социальной коммуникации в индивидуально-личностную сферу, где его смысловое наполнение трансформируется (отказ от семантики Храма, семантика массового образования) или ставится в зависимость от личных обстоятельств коммуниканта.

1940-е гг. Попытка новой номинации: Сибирский Оксфорд?

В 1940-е гг. исторически и политически обусловленная провинциальность 1930-х гг., усугубившаяся в тяжелых обстоятельствах войны, осознается научной интеллигенцией города как противоречащая реальному потенциалу университетского Томска, о чем свидетельствует беспрецедентный по времени публикации, военно-политическому контексту документ. 28 февраля 1945 г. на страницах «Известий», фактически второй газеты страны, появляется письмо томского политехника профессора И.Н. Бутакова. В этот день газеты информировали о ходе кровопролитной Кенигсбергской операции, боях за Бреслау, о том, что фактически все силы фронта и тыла сосредоточены для окончательного удара по врагу. Патриарх Алексей I сообщает Сталину о вкладе православной церкви 500 тыс. руб. в Фонд обороны.

На этом фоне «Известия» публикуют письмо профессора И. Бутакова, в котором ученый призывает восстановить былую славу Томска как научного сибирского центра, одновременно предпринимая попытку реноминации города: он предлагает новую метафору «сибирский Оксфорд», актуализируя англо-американскую семантику 1930-х гг. «К сожалению, за последние годы "сибирский Оксфорд", как именуют иногда Томск, заметно снизил свою популярность. Невыполнение плана набора новых студентов стало хроническим явлением в вузах города. Томск сильно отстал в своем развитии, в организации жилищного хозяйства и благоустройстве. Не так давно Томск прельщал молодежь широко развитой сетью культурных учреждений. Он имел театр, пять кинотеатров, студенческие клубы. Сейчас в Томске совсем нет театра, в студенческом районе нет кинематографа... приобрести нужные книги в городе практически невозможно... необходимое оборудование, даже самое простейшее, приходится добывать с большим трудом при специальных командировках в Москву или Свердловск» [13].

С точки зрения постсоветской схемы штампов об отсутствии гласности и гражданской позиции, оценки советских СМИ исключительно как органов пропаганды и коллективных доносов время, форма и канал обращения были экстраординарными (война, тоталитарный режим). Предмет обращения – быт, культура студенческого города, условия работы ученых – на первый взгляд темы не приоритетные для воюющей страны. Но страна заканчивала войну, в Томске и его вузах она видела, конечно, не Оксфорд, а «кузницу кадров», поэтому держать Томск в статусе города областного подчинения (а с августа 1944 г. Томская область уже выделилась из состава Новосибирской) с соответствующей «уездной» категорией снабжения (пельмени, портреты и Шолохов) было несправедливо и невыгодно, поэтому реакция на письмо в «Известия» была положительной. Формула «Кадры решают все» стала на долгие годы одним из ключевых партийных лозунгов, а «кузница кадров» – штампом, сохранившимся и поныне в массовом сознании. Эта расхожая метафора 1930-х гг. делала Томск равным любому другому городу советской страны, где в учебных заведениях готовились какие-либо специалисты, где из человеческого сырья выковывались кадры, прежде всего, для ключевых отраслей народного хозяйства. В послевоенный период вновь «замерцал» образ Томска, рожденный в романе «День второй» Эренбурга, где его специализация очевидна: это не гуманитарные («афинские») науки, а «кузница кадров»,

пройдя которую, они «будут управлять страной, лечить и обучать, строить заводы, налаживать совхозы, буравить горы, чертить планы мостов и, забираясь в самую глушь необъятной страны» [11. С. 184].

Эта семантика сохраняется и в 1950–1960-е гг., но дополняется идеей исторической преемственности, сформулированной в образе «седого старика» Н. Эрмманом. В 1956 г. № 29 всесоюзного журнала «Огонек» выходит как спецвыпуск, посвященный Сибири, и в нем вновь обнаруживается «афинский след» в восприятии Томска. Конечно, главная его задача была пропагандистская: не просто показать массовому читателю то новое и лучшее, что происходит в крае и людях, а призвать, прежде всего, молодежь, осваивать новые районы и участвовать в создании новых производственных мощностей в соответствии с задачами шестой пятилетки. Интервью председателя правительства РСФСР М.А. Яснова задавало структуру этого спецвыпуска по отраслям экономики, а попавший в номер региональный центр представлял какое-либо направление. Позиционируя Сибирь как край не только уникальных производственных перспектив, но и с нормальными бытовыми условиями, богатый культурными учреждениями, дающий возможности для повышения образования, М.А. Яснов заявлял: «У некоторых существует такое представление, что Сибирь – страна глухая, что молодежи негде учиться. Это представление ложное. Уже сейчас Сибирь имеет отличные высшие учебные заведения и техникумы. Новосибирск, Омск, Томск, Красноярск, Иркутск – это все города с огромным количеством учащихся» [14. С. 3].

Хотя рассказ о Томске был помещен в конце спецвыпуска, но номинировался он вполне по-современному. Очерк С. Морозова назывался «Томск – город университетский» [15. С. 28–29], здесь мы вновь встречаемся с профессором Томского политехнического института И.Н. Бутаковым, но уже в роли гида по университетскому Томску. Снова возникает эрммановский образ «чудного старика», созвавшего к себе молодежь со всей Сибири: «...и старый город обернется к нам тысячеликим обликом молодости» [15. С. 28]. И. Бутаков приводит статистику – каждый десятый житель города студент вуза или техникума. И это тоже часть образа. Остается догадываться, почему Томск не подан как «вузовский» или «студенческий» (университет-то в те времена был один) город, тем более что автор очерка сам называет наряду с университетом еще пять институтов и двадцать один (!) техникум. Было ли это влияние атмосферы Томска, или рассказов Бутакова и других профессоров, или просто вытекающая из схемы спецвыпуска удачная «отстройка» темы образования в Сибири, сказать сложно.

Гуманитарной составляющей автор отводит место в рассказе о Научной библиотеке Томского государственного университета, где среди двух миллионов томов, которые, если их выставить в ряд, протянутся на тридцать километров, редчайшие издания деятелей Великой французской революции, гравюры к первым изданиям Шекспира, автографы Пушкина, Гоголя, Чернышевского. Но главное, на что обращает внимание автор очерка, сама атмосфера «науки»: «В двухсветном, пронизанном солнцем зале всегда полным-полно. Сотни голов склонились над учебниками, картами и чертежами. Геологи и почвоведы, электротехники и строители, историки и филологи получают здесь литературу по любой отрасли знания» [15. С. 29]. Дополни-

ной аргументацией становятся фотографии. С. Морозов адресует читателя спецвыпуска к четвертой странице обложки, где в студенческом читальном зале «наушки» молодые люди склонились над книгами и бумагами. Кадры этого зала, снятые с балкона, казалось бы, не могут удивить – привычные по советским временам ряды столов, венские стулья, но вот что интересно – у каждого стола стоит не два, а три стула, есть один сбоку, мест не хватало настолько, что учились на приставном стуле, выкроив место сбоку стола. Это уже дух города и эпохи.

Многие фотографии, сделанные фотокорреспондентом С. Фридлиндом, не вошли в этот выпуск, но позднее были опубликованы [16]. Сама семантика заглавий знакова: «Вход в Университет (цветущие яблони)»; «Студенты»; «После экзаменов можно запеть и свою студенческую песню»; «Перед экзаменами»; «Студенты идут на занятия»; «На улицах студенческого городка»; «В университетской роще. Сзади влюбленной парочки»; «Весна в Сибирском ботаническом саду». «Студенты на практике»; «Университетский городок». Фото, названное «Перед экзаменами», передает рабочую атмосферу «наушки», здесь уже главное не интерьер, а лица, напряженный ритм сессии. Персонажи фото «Студенты» – преимущественно юноши, лица, позы, наклоны голов, взгляды студентов – все воплощает семантику «кузницы», выковывающей добротный продукт.

Возвращаясь к названию размещенного в «Огоньке» очерка, отметим основные составляющие образа Томска: схваченная динамика людских потоков, текущих по главному проспекту, сессия, защита дипломов, распределение воплощают модальность служения обществу, создают впечатление, что выпускники поедут на стройки и предприятия Сибири и Дальнего Востока, в города и села, обозначенные и в этом спецвыпуске. Отметим, что 1950-е гг. – это время открытия и новых образовательных учреждений в других сибирских городах: 1953 – Кемеровский педагогический институт, 1958 – год образования Новосибирского университета.

С изображения сессии начинается и стихотворение Роберта Рождественского «В Томске – экзамены» [17. С. 93–97], написанное в 1964 г.: «Томск пыхтит. / Напрягается Томск. / В Томске за тридцать цепляется Цельсий. / В Томске жара и волнение толп. / Сессия в Томске! / Сессия!»

Итоги учебного семестра предстают у Р. Рождественского как ключевое событие в жизни города. При этом субъект лирического высказывания категорично связывает всех жителей Томска с образованием: «Так уж начертано волей судеб, – / не принимаю / ничьих возражений: / если ты в Томске, / Ты – или студент, / или имеешь / к тому / отношение...».

Знания пронизывают все: лица студентов, воздух, асфальт, сквозь который проступают «формулы, графики и теоремы...». Лирики и физики как типичные представители интеллигенции 1960-х гг. объективированы в образах студентки-историка и студента-физика, а Томск поэт метафорически определяет как экзаменатора, размышляющего над судьбой будущих граждан страны: «неужто же выйдет / какой-нибудь толк / из этих очкариков? / Из этих девчоночек? / Неужто же это они – / исток / наук, / в которых – упрямство и дерзость?!».

Оттепельная эстетика доверия человеку определяет и финал стихотворения, в котором рефлексия города преодолевается призывом лирического субъекта к доверию молодым:

Знаешь, Томск,
Понимаешь, Томск,
назначь им свидание лет через десять.
Они
к тротуарам твоим прильнут.
И, вспоминая дни эти заново,
Всё, что ты дал им, – сполна вернут!
Так что, не дрейфь.
Принимай экзамены!

Можно говорить о том, что в 1960-е гг. обнаруживается смысловой разворот в исчезнувшем, казалось бы, образе Сибирских Афин, связанный с внесением в образ Томска не только образовательной компоненты, но и человеческого капитала. Сибирские Афины – это, прежде всего, люди, Томск начинает позиционироваться как *студенческий город, город молодости*.

В 1990-е гг. сфера употребления топонима переместилась в газетный дискурс, что было осознано, иронически обыграно и стало свидетельством того, что словосочетание «Сибирские Афины» превратилось в социальный стереотип. Он еще сохранял некоторую эмоциональную и ценностную определенность (социальный стереотип – «стандартизированный, устойчивый, эмоционально насыщенный, ценностно определенный образ, представление о социальном объекте» [18, 19]), но сдвиг в речевое клише, в потенциале способное перейти в разряд речевых штампов, был очевиден, что и порождало ироническое словоупотребление топонима: «Сибирские Помпеи», «Сибирские Афони». «Ох, и прав был покойный Олег Афанасьев, говоривший, что Томск – это не “Сибирские Афины”, а “сибирские афони”. Апогей “афонизации” – любой погожий вечер. По улицам бродят толпы “афонь”, сосущих пиво...» – писал еженедельник «Буфф-сад» [20]. Об этом процессе свидетельствует и политическая борьба начала 2000-х гг. в Томске, что проявилось в первую очередь в региональном газетном дискурсе, где топоним использовался как элемент коммуникативных тактик [21].

В 2000 г. в ходе политических битв за пост градоначальника в команде действовавшего тогда мэра не случайно появился слоган «Это наш город», а чтобы защититься от «посягательств» на политическую (и не только) «собственность» всевозможных разгребателей грязи, родился и второй: «Умному городу – чистые выборы». Томск стал позиционироваться как «умный город». Как пишет Н.Г. Щербинина, кампания «за чистые выборы» стала центральной для действующего мэра в борьбе за власть, Томск подавался как тонкий и живой организм, справиться с которым не по силам грубому хозяйственнику – главному оппоненту мэра-политика. Здесь команда мэра обращается к «умным» истокам: «Жители Томска – «умные». Томск есть «Сибирские Афины» (и дело не только в мощном студенческом и научном контингенте... В силу такой культуры город может принять лишь тонкого и вы-

сокообразованного «градоначальника» [22. С. 11]. Фактически наступает эра политической эксплуатации остатков символического капитала концепта.

Непосредственно в ходе кампании, после появления в рекламном политическом пространстве Томска этого слогана, в команде главного соперника пришли к мысли использовать слоган действующего мэра, но привязать его к городским реалиям: «Умному городу – чистые улицы», достойную жизнь и т.п. В ответ авторы первоначального слогана «наказали» плагиатора и выбросили от его имени фонтан вариаций: «Умному городу седина в бороду», «Умному городу двухэтажные автобусы», морской порт и т.д. [22. С. 14]. Деструктивный сценарий выборов привел к тому, что в первом туре против всех кандидатов проголосовало 40 процентов принявших участие в выборах, а во втором до одной трети. Неудивительно, что в такой обстановке у томичей возникло и сохранялось достаточно долгое время двойственное отношение к «умной» идентичности Томска.

Этот же процесс наблюдаем и в творчестве томских, и не только, писателей. Так, первая часть историко-филологического романа Ю. Щеглова «Еврейский камень, или Собачья жизнь Эренбурга» (2002), опубликованного в Израиле, названа «В сибирских Афинах». Томск предстает в двух модальностях: окрашенный в идиллические и ностальгические тональности в воспоминаниях рассказчика как университетский, прежде всего, город: «Полвека прошло, а знаменитая Университетская роща, с просвечивающим сквозь необлетевшую листву зданием, не изгладились из памяти. <...> Роща и университет – одно целое. Погружение в рощу вызывает особые чувства, а гулкий прохладный вестибюль переносит мгновенно в совершенно неведомую и неуловимо чем одухотворенную реальность» [23. С. 12–13]¹.

Но в воспоминаниях рассказчика Томск 1930-х – начала 1950-х гг. предстает далеким от просвещения и образования пространством, в котором господствует страх: «Томское НКВД не прибегало к камуфляжу, как московское... и перебрасывало заключенных с места на место не таясь, особенно летом и осенью» [23. С. 83]. «Я себе представил кошмар, который нас ожидал. Один обыск мы уже пережили, когда брали отца в январе 1933 года» [23. С. 91]. Это место негласной ссылки неугодных: «В Томск загоняли вовсе не одних евреев. Русских штрафников здесь было полно. <...> Философа и полiglота профессора Ярошевского... пригнали из солнечного Фрунзе в сибирские Афины, чтобы не портил научный киргизский пейзаж» [23. С. 22]. В этом контексте топоним «Сибирские Афины» иронически снижен и предстает как официальный штамп. По сути, можно говорить о постепенной трансформации образа в концепт, обслуживающий региональную мифологию.

В конце 1990-х топоним исчезает из стихотворений томских поэтов и обозначение Томска как «Сибирских Афин» можно найти только в поэзии «второго» и «третьего» рядов, в том числе и в инернет-дискурсе [24]. Это не значит, что в стихах нет образов томского городского пространства [25], но это образ города индивидуально пережитый, воспринимаемый и изображаемый как часть личной духовной и эмоциональной биографии автора, не имеющей ничего общего с далекими Афинами.

¹ Далее текст цитируется по данному изданию.

Во-первых, в отличие от застывших в своей семантике «Сибирских Афин», Томск включен в поток быстро меняющейся современности и переживается в двух основных модальностях: ностальгической, сентиментальной, идеализирующих прошлое, и реалистической. Стихотворение «Город детства» В. Сердюка выходит с кратким посвящением «Томску». В пределах сюжета соединяются два пространственных образа Томска: современный Томск, где «встали новые кварталы, / подпирая облака, / встали стройные красавцы / ростом в девять этажей» [26. С. 184] и идиллическое и ностальгическое пространство детства, в которое невозможно вернуться: «Как далек ты, / город детства! / Безвозвратно. / Навсегда» [26. С. 184]. Сопоставление двух пространств, двух эмоциональных образов рождает и внутреннюю коллизию стихотворения: как примирить родное, но ушедшее с новым, но еще чужим. В финале стихотворения мотив повзрослевшего города детства снимает это противоречие: «Оглянись – / и станет сердцу / твоему / еще родней / повзрослевший город детства, / город зрелости твоей» [26. С. 186]. Идеализированный образ не имеет ничего общего ни с реальным городом, ни с сибирскими Афинами, это город прожитой и ушедшей жизни, над которым всегда «какой-то дивный свет». Особенно активно, и это объяснимо, идеализированное изображение Томска актуализируется к юбилейным датам, как было и в год 400-летия города, что проявилось в собранной к этой дате поэтической антологии «Томск – любовь моя и судьба» [27].

Но и реалистический вариант изображения современного Томска также далек от концептов образованности и мудрости. В стихотворении А. Редчица «Городской романс» он предстает смертельно больным: «Парится в своем автомобиле / Безутешный автор этих строк. / Погибает город, погибает... / От тромбоза долбанных дорог» [28. С. 31]. В стихотворении В. Антуха «Родному городу» [29. С. 50–51] образ Томска советского периода – образ пространства, в котором отсутствует связь времен, уничтожена «застывшая музыка» как носитель исторической памяти: взорван базар, на месте которого построено развлекательное учреждение – театр, «похожий на элеватор», в доме Радищева – гостиница, вместо старого кладбища – завод, даже вода ушла из Томи, потому что уничтожено ее естественное русло. И только тюрьма остается на своем месте:

Мимо тюрьмы – не бывшей,
Помнящей Короленко...
Мимо жалких домишек,
Их приютил овражек,
С расстроенным иду и злым лицом
На постылый Капштак,
Где светятся огни многоэтажек
В созвездии панельных Близнецов [29. С. 50–51].

Томск как пространство разрухи изображен и в стихотворении поэта В. Крюкова конца 1990-х гг.:

Среди разрухи городской
Ты замираешь вдруг:

Какой пугающей тоской
Глядит отверстый люк! [30. С. 42].

В сборнике А. Олеара «Оконный блюз» (2007) Томск – это пространство одиночества, где «за каждым «вместе» больше «по одному» / и пустота внутри меряется этажами» [31. С. 20]. Пустота – это не характеристика заполненности пространства, а характеристика отсутствия в нем смысла и того, что может быть отнесено к интеллектуальной и духовной жизни:

Взгляды на вещи шире, если высок этаж.
Вид отдаленных фабрик скалит гнилые зубы
Труб. Из тумана башня TV в городской пейзаж
Бесцеремонным пальцем тычет не так уж грубо [31. С. 20].

Еще жестче изображает Томск Е. Клименко:

Не город – кладбище.
Дом призраками полон.
И каждый с зеркалом играет в темноте.
И зайчик прячется в божественном зрачке.
И рамы крест гуляет в чистом поле.
И бабочка трепещет на кресте [32. С. 20].

Образ города в современной томской поэзии, в отличие от мифологического концепта, детализируется, предметом поэтической рефлексии становятся как различные знаковые места Томска (Буфф-сад, Университетская роща, Ботанический сад, Лагерный сад), знаковые события, например «Чеховские пятницы», так и улицы, переулки, окраины, деревянная архитектура, различные природные состояния (О. Афанасьев «На реке Томи ледоход»). Так, в стихотворении В. Брусьянина «В конце 80-х» Томск уподоблен Чикаго, создается образ замусоренного, пыльного, душного пространства, в котором от выхлопных газов нечем дышать: «Под вечер окраина / оттиски шин / на пыльном асфальте окурки обертки / урчанье моторов сигналы камазов / уазов и газов и прочих напротив / дыра в продтовары в листе запыленной/как тертый асфальт пересохшее небо/в жаре в духоте / в центре города полдень...» [33. С. 124].

Исторический «след», не совпадающий с семантикой Афин, обнаруживают стихотворения Г. Скарлыгина «Томск», «Мой город» [34. С. 27, 33]. В стихотворении А. Панова из сборника «Знаки судьбы» 2004 [35] поэтически воссоздана история возникновения Томска, образ города рождается на пересечении разных мотивов: вольницы, вечной молодости, книги и просвещения, умственной свободы и ссылки, подневольного труда заключенных, насилия времен гражданской войны и преступлений власти, повторяющихся из века в век. Но это и личное пространство лирического героя, в котором он дышит и любит. Хрестоматийное содержание концепта «сибирские Афины» (образование, наука) выступает лишь небольшой частью эпического образа Томска.

Я люблю тебя, город, не знаю, за что.
Я люблю тебя, город, и в прошлое верю.
Я люблю тебя, город, как цирк шапито,
И тебе поклоняюсь, как мудрому зверю.
Я иду по канату проспекта, спеша.
Я последние деньги на пиво потрачу.
Я люблю тебя, город, и плачет душа.
И уже не могу и не смею иначе.
Я жонглирую днями сгоревших годов.
Я зверей вывожу на арену урмана.
Я люблю тебя, город, средь всех городов,
Словно цирк шапито, как обман без обмана [35. С. 87].

Окончательное разрушение образа сибирских Афин обнаруживается в стихотворении Н. Конинина «Сибирские Афины», где современный Томск предстает как пространство вторжения западной культуры фаст-фуда:

Вместо снежной нежной кашпи
Мы в осколках кока-колы.
Мусор «маде им не наше»,
Европейские приколы [36. С. 87].

Можно говорить, что в поэтическом дискурсе «базовый миф Томска» (З.И. Резанова) окончательно разрушается, оставляя использование этого концепта уделом маргинальных жанров.

Отметим, что исчезновение реального содержания и превращение образа в симулякр было осознано именно в начале 2000-х гг., поскольку с конца XX в. дискурс «умного города» возникает практически во всех частях мира и с одновременным изменением социально-технологических практик. Поэтапно, сначала – кибергорода, затем «цифровые города», «интеллектуальные города», наконец, «умные города». Развитие концепта показывает постепенный переход от технологий к человеческим ценностям информационной эпохи [37]. «Умный город» не жесткий концепт и не лимитированные регламентом практики, поэтому у российских городов типа Томска появился шанс включиться в это движение. Но здесь уже старых брендов будет явно недостаточно, как и исключительно университетского компонента в позиционировании города, что стало очевидно к концу первого десятилетия XXI в.

В материале А. Соколовой «Бренд-нейм Томска вводит в недоумение» (27.08.2008) сообщается, что горадминистрацией разработана и утверждена на собрании думы города Томска городская целевая программа «Внешнее позиционирование Томска на 2009–2011 годы», на которую из городского бюджета предполагается потратить около 25 млн руб. (разработка и производство полиграфической и сувенирной продукции с символикой города, общегородской сайт и социальная реклама о Томске). Автор приводит точку зрения заместителя мэра по информационной политике А. Севостьянова: «Мы слишком долго доказывали сами себе, что мы особенные и великие. Бренды "Сибирские Афины" и "Умный город" стали штампами и существуют только для внутреннего пользования. Мы должны продвигать наш имидж, нашу репутацию за пределами Томска» [38].

Руководитель данного проекта полагает, что формирование имиджа города в данный момент актуально как никогда, что связано с возросшей между городами России конкуренцией за ресурсы, инвестиции и человеческий капитал и, наконец, места в различных рейтингах. Вывод, который делает автор материала, – «миф о "Сибирских Афинах", который исторически достался Томску в процессе конкуренции с другими городами Сибири, постепенно теряет свою актуальность. В глобальном мире XXI века городу необходим новый имидж...» [38]. Де-факто на эту благую цель Томский «ареопаг» решил выделять по годам: 5 млн руб. в 2009 г., 8 млн руб. на 2010 г. и 12 млн руб. на 2011 г. [39]. Деньги, очевидно, невеликие для позиционирования города. Паспорт программы, вербально уйдя от «Афин», пытался синтезировать их качества в размытом конструкте «город университетов, город студентов, «умный город». Но до сих пор не забыли дорогу к «Афинам» томские чиновники, и лепятся из осколков «аффинной» метафоры, советских лозунгов и неведь чего конструкты типа «Город Томск в Сибири – Сибирские Афины. Город высокой культуры. Город больших возможностей для реализации творческих идей», как это произошло с презентацией Инвестиционного паспорта Томска [40. С. 8].

В полной мере проблема новой идентичности города проявилась и при работе над известным рекламным роликом ВВС «Учись в Томске». Его заказчикам и исполнителям пришлось «дорисовывать» понятную для молодежи всего мира составляющую образа города науки и университетов. Добавим к этому, что, по сообщению агентства РИА «Новости», ТГУ получил эксклюзивное право на публикацию манифеста «Умный город, который нам нужен» на русском языке; в нем собран опыт экспертов со всего мира по созданию комфортных условий для жизни горожан [41]. Агентство приводит высказывание французского урбаниста Николя Бушо, редактора манифеста: «Томск давно заявил себя как новые Афины в Сибири, это отсылка к классическому образованию, в то же время он имеет инновационный взгляд на современные проблемы» [41].

Таким образом, жизненный цикл метафорического топонима «Томск – Сибирские Афины» в различных дискурсах имеет и разную временную протяженность, и различный смысловой потенциал. Возникнув на основе пространственной аналогии, он достигает предела своего развития (наполняется символическим содержанием) в конце XIX в. в связи с открытием университета, на протяжении XX в. символический капитал метафоры «вымывается» и вытесняется на периферию актуальным социальным содержанием «кузницы кадров», а в постсоветский период метафора окончательно превращается в штамп. Если в художественном (поэтическом, прозаическом) и эпистолярном (личная переписка) дискурсах он утрачивает свой символический потенциал и превращается в клише, переходя в текстах второго ряда в штамп уже в 1960-е гг., то в публицистическом дискурсе он сохраняет символический статус вплоть до начала 1990-х гг.

В 2000-е гг. его перемещение из художественных в маргинальные жанры (поздравления, речи, инскрипты) и Интернет свидетельствует об окончательном исчерпывании первоначального символического капитала образа, превращении его в клише и штамп. Эти процессы обусловлены меняющейся ис-

торической, социальной (культурной, образовательной), информационной, технологической действительностью и теми новыми вызовами, которые эти изменения несут. Необходимое условие сохранения символического потенциала образа – постоянное обновление символа – оказывается невозможным в силу первоначально заложенного в топониме смыслового ограничения, не позволяющего приспособлять его к реалиям новых идентичностей. Но это не означает смысловой смерти топонима. Возможно, когда-нибудь время вновь призовет его к себе для выполнения тех задач, которым он будет соответствовать.

Литература

1. *Вяземский* Константин Александрович [Электронный ресурс]. URL: http://ru.rfwiki.org/wiki/Вяземский_Константин_Александрович (дата обращения: 10.03.2016).
2. *Вяземский* Константин Александрович [Электронный ресурс]. URL: [http://uavix.ru/Вяземский%20Константин%20Александрович%20\(%20персона%20\)](http://uavix.ru/Вяземский%20Константин%20Александрович%20(%20персона%20)) (дата обращения: 10.03.2016).
3. *Хахалкин А.* Томск в 1891 году: По путевым запискам князя К.А. Вяземского // Сибирская старина. 1993. № 2. С. 13.
4. *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань [Электронный ресурс]. URL: http://www.litmir.info/data/Book/0/137000/137196/Semenov-Tyan-Shanskii_Petr_Puteshestvie_v_Tyan-Shan_Litmir.net_137196_ltr.fb2.zip (дата обращения: 12.03.2016).
5. *Барт Р.* Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 312 с.
6. *Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка. Путевые заметки 1885–1886 годов: в 2 ч. СПб.: Изд. Вл. Распопова, 1906. 286 с.
7. *Уфимцев Р.* Хвост ящерицы: Метафизика метафоры. Калининград: Оттокар, 2010. 294 с.
8. *Мартынов Л.* Воздушные фрегаты // Сибирские огни. 2012. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://old.magazines.russ.ru/sib/2012/10/m20-pr.html> (дата обращения: 16.05.2016).
9. *Хлебников В.* Шаман и Венера [Электронный ресурс]. URL: <http://rvb.ru/hlebnikov/tekst/02poemy/202.htm> (дата обращения: 24.06.2016).
10. *Турбин В.* Свободный ум [Электронный ресурс]. URL: http://ka2.ru/nauka/turbin_2.html (дата обращения: 15.04.2016).
11. *Эренбург И.* День второй // Собр. соч.: в 9 т. Т. 3. М., 1964. С. 151–360.
12. *Эрдман Н.* Переписка с А. Степановой // Николай Эрдман. Самоубийца: Пьесы. Интермедии. Переписка с А. Степановой. Екатеринбург, 2000. С. 303–582.
13. *Ученые призывают возродить научную славу Томска* [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/pobeda/fevral/1797644> (дата обращения: 04.05.2016).
14. *Сибирь* в шестой пятилетке: Беседа с Председателем Совета Министров РСФСР М.А. Ясновым // Огонек. 1956. № 29. С. 2–3.
15. *Морозов С.* Томск – город университетский // Огонек. 1956. № 29. С. 28–29.
16. *Томский* фотограф собрал коллекцию снимков Томска, сделанных в 1956 году фотокодром «Огонька» [Электронный ресурс]. URL: <https://obzor.westsib.ru/news/480816> (дата обращения: 13.05.2016).
17. *Рождественский Р.* В Томске – экзамены // Над Томью серебряный город / сост. С. Федотов, Л. Яковлева. Новосибирск, 1981. С. 93–97.
18. *Шихирев П.Н.* Социальные стереотипы // Рос. социол. энцикл. / под ред. Г.В. Осипова. М., 1998. С. 538.
19. *Щекотихина И.Н.* Стереотип: аспекты и перспективы исследования // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2008. № 5 (19) [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/stereotip-aspekty-i-perspektivy-issledovaniya> (дата обращения: 15.09.2016).
20. *Грабовский В.* Пивка для рывка [Электронный ресурс]. URL: <http://old.duma.tomsk.ru/page/2575/> (дата обращения: 05.05.2016).
21. *Резанова З.И.* Мифологема «Томск – Сибирские Афины» в коммуникативных тактиках публицистического дискурса (на материале еженедельной периодики г. Томска) [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mifologema-tomsk-sibirskie-afiny-v-kommunikativnyh>

taktikah-publitsisticheskogo-diskursa-na-materiale-ezhenedelnoy-periodiki-g-tomska (дата обращения: 16.02.2016).

22. Щербинина Н.Г. Градоначальник «умного города», или Томские политические приколы // Политический маркетинг. 2000. № 11. С. 10–15.

23. Щеглов Ю. Еврейский камень, или Собачья жизнь Эренбурга: историко-филологический роман. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2004. 740 с.

24. Колмаков В. Стихи о Томске [Электронный ресурс]. URL: <http://tomskiestihi.ru/articles/o-tomske/> (дата обращения: 20.09.2016).

25. Бабенко И.И. Специфика эстетической актуализации концепта город Томск в региональном поэтическом дискурсе // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2011. Вып. 3 (105) [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения: 16.02.2016).

26. Сердюк В. В обе стороны жизни: стихи. Томск, 2008. 191 с.

27. Томск – любовь моя и судьба: антология. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. 708 с.

28. Редчиц А. Это капли дождя... Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 74 с.

29. А нтух В. Знак Скорпиона: стихи. Томск, 1995. 110 с.

30. Крюков В. Линия ветра: Избранное: стихи, проза. Томск, 1999. 191 с.

31. Олеар А. Оконный блюз. Томск, 2007. 124 с.

32. Клименко Е. Все обростает солью... // Каменный мост: лит.-худож. альм. Томск, 2004. С. 236–237.

33. Брусьянин В. Стихотворения. Томск, 2001.

34. Скарлыгин Г. Ветер скитаний. Томск, 2006. 175 с.

35. Панов А. Притяжение жизни. Томск, 2007. 143 с.

36. Конинин Н. Давай нарисуем... Томск: Том. ЦНТИ, 2012. 96 с.

37. Komminos N. The age of intelligent cities: smart environments and innovation-for-all strategies. L&NY, 2015.

38. Соколова А. Бренд-нейм Томска вводит в недоумение [Электронный ресурс]. URL: <http://news.vtomske.ru/details/4137-brend-neim-tomska-vvodit-v-nedoumenie> (дата обращения: 05.05.2016).

39. О городской целевой программе «Внешнее позиционирование города Томска на 2009–2011 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/951825043#top> (дата обращения: 05.11.2016).

40. Инвестиционный паспорт муниципального образования «Город Томск». 2016. 23 с. (на правах рукописи).

41. ТГУ издает русскую версию манифеста по созданию «умных городов» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20160922/manifest-umnij-gorod-kotorij-nam-nuzhen-russkoe-izdanie-tgu/> (дата обращения: 22.09.2016).

LIFE AND DEATH OF THE “SIBERIAN ATHENS”: THE PROBLEM OF THE LIFE CIRCLE OF THE METAPHORICAL TOPONYM IN THE DISCOURSES OF THE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 47. 149–170. DOI: 10.17223/19986645/47/11

Yyacheslav A. Sukhanov, Alexey I. Scherbinin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: slush@mail.ru / E-mail: shai52@mail.ru

Keywords: Tomsk, Siberian Athens, metaphoric toponym, life cycle of metaphor, concept, discourse, historical functioning

The paper addresses the refinement of the metaphorical genesis of the toponym “Tomsk – Siberian Athens” and the research of its socio-historical functioning in diverse discourses of the 20th and the beginning of the 21st centuries. The purpose of the paper is to research the living cycle of this metaphoric toponym in its conjunction with the main historical, esthetic, social and political processes of the time. In the paper patterns in the functioning of the toponym, such as phases of its development in artistic, journalistic, epistolary discourses are exposed, characterizing its actual state and making prognoses of its future destiny.

At the beginning of the 20th century the university semantics was at the core of the myth-concept. The opening of the university became a sign of enlightenment and a real material and cultural envi-

ronment in which the people of Tomsk sought to surpass the projects and social practices common at the time not only in Siberia, but in all Russia.

The Modern Times of world creation of the 1920s–1930s demanded new meanings. In I. Ehrenburg's novel *Den' vtoroy* [Day Two], Tomsk is a factory of scientific education for the masses, necessary because of its role in the industrial transformation of the USSR. In the same period the image of Tomsk as the Siberian Athens in the memoirs of L. Martinov and the correspondence of the playwright N. Erdman, is contradictory, it does not meet the reality, where the University exists as a temple of science, apart from the city itself, which shows the beginning of the stratification of the meaning of the toponym.

The semantic of “manpower forge” persists well into the 1950s, accompanied by the idea of a historical succession, and the attempt to rename Tomsk into the “Siberian Oxford” fails.

In the 1960s, the thaw aesthetics of man-trust (R. Rozhdestvensky, “Exams in Tomsk”) adds a new concept of Tomsk as a human capital to its educational level. Tomsk starts to be perceived as a student's city, the city of youth.

In the 1970s–1980s no new meaning are created, and in the 1990s the toponym disappears from the prose and poetry of Tomsk poets (V. Antukh, V. Brusianin, E. Klimenko, V. Kurkov, A. Olear, A. Panov, A. Redchitz, V. Serdiuk, G. Skarlygin), who perceive and depict the city as a part of their personal spiritual and emotional biography that has nothing to do with Athens. In the poetic and prosaic discourse of the 1990s–2000s (Yu. Shcheglov) the myth-concept is completely destroyed, its use becomes the lot of “second” and “third” class discourses: internet-discourse and marginal newspaper genres. The toponym still exists as a cliché in a range of official documents among Tomsk functionaries.

As such the life circle of the metaphorical toponym “Tomsk – Siberian Athens” has a varied time spread in different discourses, and a varied meaning potential. If in both the epistolary (personal correspondence) and the artistic (poetry and prose) discourses it loses its symbolic potential and becomes a cliché in the early 1960s, in the journalistic discourse it retains its symbolic status up to the beginning of the 1990s. In the 2000s it transfers from artistic to marginal genres (congratulations, speeches, inscriptions) and the internet shows that it has definitely used up its symbolic capital and has definitely become a cliché. Such a process is caused by the changing historical, social (cultural and educational), informational and technological realities and the new challenges that they bring.

References

1. Wikipedia. (n.d.) *Vyazemskiy Konstantin Aleksandrovich*. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D1%8F%D0%B7%D0%B5%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87. (Accessed: 10.03.2016). (In Russian).
2. Yavix.ru. (n.d.) *Vyazemskiy Konstantin Aleksandrovich*. [Online] Available from: [http://yavix.ru/Vyazemskiy%20Konstantin%20Aleksandrovich%20\(%20persona%20\)](http://yavix.ru/Vyazemskiy%20Konstantin%20Aleksandrovich%20(%20persona%20)). (Accessed: 10.03.2016). (In Russian).
3. Khakhalkin, A. (1993) Tomsk v 1891 godu. Po putevym zapiskam knyazya K.A. Vyazemskogo [Tomsk in 1891. According to the travel notes of Prince K.A. Vyazemsky]. *Sibirskaya Starina*. 2. pp. 13
4. Semenov-Tyan-Shanskiy, P.P. (1946) *Puteshestvie v Tyan'-Shan'* [Journey to the Tien Shan]. [Online] Available from: http://www.litmir.info/data/Book/0/137000/137196/Semenov-Tyan-Shanskii_Petr_Puteshestvie_v_Tyan-Shan_Litmir.net_137196_ltr.fb2.zip. (Accessed: 12.03.2016).
5. Barthes, R. (1996) *Mifologii* [Mythologies]. Translated from English. Moscow: Izd-vo im. Sa-bashnikovskh.
6. Kennan, J. (1906) *Sibir' i ssylka. Putevye zametki 1885–1886 godov* [Siberia and exile. Travel notes of 1885 and 1886]. In 2 parts. Translated from English. St. Petersburg: Izdanie VI. Raspopova.
7. Ufimtsev, R. (2010) *Khvost yashcherki. Metafizika metafory* [The tail of a lizard. Metaphysics of metaphor]. Kalinigrad: Izdatel'stvo “Ottokar”.
8. Martynov, L. (2012) Vozdushnye fregaty [Air frigates]. *Sibirskie ogni*. 10. [Online] Available from: <http://old.magazines.russ.ru/sib/2012/10/m20-pr.html>. (Accessed: 16.05.2016).
9. Khlebnikov, V. (2014) *Shaman i Venera* [A Shaman and Venus]. [Online] Available from: <http://rvb.ru/hlebnikov/tekst/02poemy/202.htm>. (Accessed: 24.06.2016).

10. Turbin, V. (n.d.) *Svobodnyy um* [Free Mind]. [Online] Available from: http://ka2.ru/nauka/turbin_2.html. (Accessed: 15.04.2016).
11. Erenburg, I. (1964) *Sobr. soch. v 9 t.* [Works: in 9 vols]. Vol. 3. Moscow: GIKhL. pp. 151–360.
12. Erdman, N. (2000) *Samoubiytsa: P'esy. Intermedii. Perepiska s A. Stepanovoy* [Suicider: Plays. Intermedia. Correspondence with A. Stepanova]. Ekaterinburg: U-Faktoriya. pp. 303–582.
13. Tass.ru. (2017) *Uchenye prizyvayut vozrodit' nauchnuyu slavu Tomska* [Scholars are calling to revive the scientific glory of Tomsk]. [Online] Available from: <http://tass.ru/pobeda/fevral/1797644>. (Accessed: 04.05.2016).
14. Ogonek. (1956) Sibir' v shestoy pyatiletke. Beseda s Predsedatelem Soveta Ministrov RSFSR M.A. Yasnovym [Siberia in the Sixth Five-Year Plan. Conversation with the Chairman of the Council of Ministers of the RSFSR M.A. Yasnovoy]. *Ogonek*. 29. pp. 2–3.
15. Morozov, S. (1956) Tomsk – gorod universitetskii [Tomsk is a university city]. *Ogonek*. 29. pp. 28–29.
16. Obzor.westsib.ru. (2016) *Tomskiy fotograf sobral kolleksiynu snimkov Tomska, sdelaynykh v 1956 godu fotokorom "Ogon'ka"* [Tomsk photographer collected a collection of photographs of Tomsk, made in 1956 by a photographer of "Ogonyok"]. [Online] Available from: <https://obzor.westsib.ru/news/480816>. (Accessed: 13.05.2016).
17. Rozhdestvenskiy, R. (1981) V Tomske – ekzameny [Tomsk has examinations]. In: Fedotov, S. & Yakovleva, L. *Nad Tom'yu serebryanyy gorod* [A silver city over the Tom]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.
18. Shikhirev, P.N. (1998) Sotsial'nye stereotipy [Social stereotypes]. In: Osipov, G.V. (ed.) *Ros. sotsiologich. entsikl.* [Russian Sociological Encyclopedia]. Moscow: Norma-Infra-M.
19. Shchekotikhina, I.N. (2008) Stereotip: aspekty i perspektivy issledovaniya [Stereotype: aspects and prospects of research]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 5 (19). [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/stereotip-aspekty-i-perspektivy-issledovaniya>. (Accessed: 15.09.2016).
20. Grabovskiy, V. (c. 2016) *Pivka dlya ryvka* [Beer for a breakthrough]. [Online] Available from: <http://old.duma.tomsk.ru/page/2575/>. (Accessed: 05.05.2016).
21. Rezanova, Z.I. (2010) *Mifologema "Tomsk – Sibirskie Afiny" v kommunikativnykh taktikakh publitsisticheskogo diskursa (na materiale ezhenedel'noy periodiki g. Tomska)* [Mythologeme "Tomsk – Siberian Athens" in the communicative tactics of journalistic discourse (on the material of the weekly periodicals of Tomsk)]. [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/mifologema-tomsk-sibirskie-afiny-v-kommunikativnykh-taktikakh-publitsisticheskogo-diskursa-na-materiale-ezhenedelnoy-periodiki-g-tomska>. (Accessed: 16.02.2016).
22. Shcherbinina, N.G. (2000) Gradonachal'nik "umnogo goroda" ili tomskie politicheskie prikoly [Mayor of a "smart city" or Tomsk political jokes]. *Politicheskii marketing*. 11. pp. 10–15.
23. Shcheglov, Yu. (2004) *Evreyskiy kamen', ili sobach'ya zhizn' Erenburga. Istoriko-filologicheskii roman* [A Jewish stone, or the dog's life of Ehrenburg. Historical and philological novel]. Moscow: Mosty kul'tury; Jerusalem: Gesharim.
24. Kolmakov, V. (n.d.) *Stikhi o Tomske* [Verses about Tomsk]. [Online] Available from: <http://tomskiestihi.ru/articles/o-tomske>. (Accessed: 20.09.2016).
25. Babenko, I.I. (2011) Spetsifika esteticheskoy aktualizatsii kontsepta gorod Tomsk v regional'nom poeticheskom diskurse [Specificity of aesthetic actualization of the concept "the city of Tomsk" in regional poetic discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 3(105).
26. Serdyuk, V. (2008) *V obe storony zhizni. Stikhi* [In both directions of life. Poems]. Tomsk: Krasnoe znamya.
27. NTL. (2004) *Tomsk – lyubov' moya i sud'ba. Antologiya* [Tomsk is my love and destiny. Anthology]. Tomsk: NTL.
28. Redchits, A. (2010) *Eto kapli dozhdya...* [These are raindrops . . .]. Ekaterinburg: Ural State University.
29. Antukh, V. (1995) *Znak Skorpiiona. Stikhi* [The sign of Scorpio. Poems]. Tomsk: Obraz.
30. Kryukov, V. (1999) *Liniya vetra. Izbrannoe: stikhi, proza* [Wind line. Selected Works: poetry, prose]. Tomsk: Press-Integral.
31. Olear, A. (2007) *Okonnyy blyuz* [Window blues]. Tomsk: Tomsk State University.
32. Klimenko, E. (2004) *Vse obrastaet sol'yu...* [All is overgrown with salt . . .]. *Kamennyi most. Literaturno-khudozhestvennyy al'manakh*. Tomsk. pp. 236–237.

33. Brus'yanin, V. (2001) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Tomsk: Tomsk State University.
34. Skarlygin, G. (2006) *Veter skitaniy* [Wind of wandering]. Tomsk: Krasnoe znamya.
35. Panov, A. (2007) *Prityazhenie zhizni* [The attraction of life]. Tomsk: [s.n.].
36. Koninin, N. (2012) *Davay narisuem...* [Let's draw . . .]. Tomsk: Tomskiy TsNTI.
37. Komninos, N. (2015) *The age of intelligent cities: smart environments and innovation-for-all strategies*. L&NY.
38. Sokolova, A. (2008) *Brend-neym Tomska vvodit v nedoumenie* [The brand name of Tomsk causes perplexity]. [Online] Available from: <http://news.vtomske.ru/details/4137-brend-neim-tomska-vvodit-v-nedoumenie>. (Accessed: 05.05.2016).
39. Docs.cntd.ru. (2008) *O gorodskoy tselevoy programme "Vneshnee pozitsionirovanie goroda Tomska na 2009 – 2011 gody"* [On the city target program "External positioning of the city of Tomsk for 2009–2011"]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/951825043#top>. (Accessed: 05.11.2016).
40. Investment passport of the municipal formation "City of Tomsk". 2016. 23 pp. (A manuscript). (In Russian).
41. Riatomsk.ru. (2016) *TGU izdast russkuyu versiyu manifesta po sozdaniyu "umnykh gorodov"* [TSU will publish the Russian version of the manifesto on the creation of "smart cities"]. [Online] Available from: <https://www.riatomsk.ru/article/20160922/manifest-umnij-gorod-kotorij-nam-nuzhen-russkoe-izdanie-tgu/>. (Accessed: 22.09.2016).